

О ЧЁМ СТОНЕТ «ЧЁРНЫЙ ВОРОН»?

Размышления о личности вожатого

Людмила Шопина,
доцент Липецкого
государственного
педагогического
университета,
кандидат
педагогических
наук

«Чёрный ворон, чёрный ворон»... — старательно пели вожатые, дурашливо изображая дикую скуку. Всероссийский форум организаторов детского отдыха. Сцена, концерт вожатых. Согласно сценарию, «рутинёр из начальства», придираясь, выгоняет из «хора» всех «певцов» по очереди, предъявляя к ним необоснованные претензии.

Хороший, талантливый номер. Довольные лица в зале, заслуженные аплодисменты.

Ситуация была бы приятной и весёлой, если бы не её подтекст. Перед концертом вожатым объяснили, что сцена имеет свои законы. Что юмор не должен быть глупым и пошлым. Что высший уровень смешного — не дурачество, а профессионализм. Что юмор — безжалостное оружие, пользоваться которым надо точно, осмысленно и избирательно. Что в зависимости от ситуации следует применять юмор или сарказм, иронию или пародию. Вожатые ответили на инструктаж злой пародией. Наверное, в описанной ситуации каждая из сторон могла бы спокойно остаться при своём мнении, если бы не проявившиеся в ней тенденции...

Разговор о воспитании ребёнка в летнем оздоровительном лагере ведётся десятилетия. И вполне закономерно, что сегодня он вышел на личность вожатого, который играет важнейшую роль в реальном воспитательном процессе. Вожатый, «профессия-птица», сегодня приобретает в обществе функции абсолютно уникальные. Аналога ему нет. И альтернативы, пожалуй, тоже. Вожатые — особая каста, имеющая реальную власть над душами детей. Власть, которой часто не имеют ни родители, ни школа.

Вспомните, каким безусловным, безграничным авторитетом пользуется вожатый у ребят, какой одаривается любовью и преданностью. Но осознаёт ли молодой человек, выполняя роль, точнее миссию, вожатого в современном лагере, меру своей ответственности?

Среднестатистический вожатый — это студент, который, пройдя недельные сборы, едет в лагерь для прохождения педагогической практики. Процентом десять из них — влюблённые в своё дело профессионалы, работающие в лагерях регулярно. Сборы — гениальное «изобретение» С.А. Шмакова — обычно воспринимаются молодыми людьми как увлекательное приключение, они погружаются в заманчивый мир лагеря. А дальше — начинается непрерывный 18-дневный экзамен на выдержку, смекалку, мудрость, предусмотрительность, доброту, честность, обаяние и множество других качеств. Космонавт Александр Александрович Серебров, в прошлом вожатый знаменитого «Орлёнка», пишет, что в лагере молодой человек сразу попадает «на особую планету», со своей системой ценностей и жизненных правил дающей необыкновенную закалку на всю будущую жизнь. Интересно, что после работы в лагере студент становится абсолютно другим: собранным, серьёзным, мобильным. Ответственность за детей меняет характер молодого человека, часто делая его «золотым». Короче, «школа жизни».

Что же всё-таки вызывает сомнения? Наверное, культурный уровень вожатого, то есть его Слово, облик, действия, реакции, мотивы, вкусы, умения, кругозор, знания и т.д.

Слово — один из основных рычагов воздействия на ребёнка. Хотелось бы, чтобы вожатые чаще задумывались о последствиях, последствиях сказанных ими слов. Представляли характер запускаемых ими психологических механизмов.

Зачем, например, педагогический совет лагеря называть «тусовкой», родительский комитет — «крышей», разговор в беседке — «сходняком»? (Именно так были представлены эти элементы лагерного быта в некоторых программах, представленных на Всероссийский конкурс методических работ.) Вообще романтизация тюремного быта — чудовищная и безнравственная вещь. Думаю, что и русский шансон, часто имеющий «зэковский» оттенок, звучать в лагере не должен. (Надеюсь, читатели не обвинят меня в примитивной назидательности.) В девизах отрядов иногда непонятно зачем используются и рекламные слоганы.

Сегодня детский оздоровительный лагерь изобилует сленгом, жаргонизмами и нецензурными выражениями. Причём используются «эрзацы» бездумно, абсолютно неоправданно, замещая обычные слова, действия и понятия.

И слово, и звучащая в лагере музыка, и манера поведения вожатого — законодателя лагерной моды, и конечно же то, что дети видят на лагерной сцене, создают воспитательное пространство, среду, в которую погружаются дети во время летних каникул.

Ах, эта лагерная сцена... Чего только она не повидала... А ведь надо учитывать, что, когда ребёнок выступает сам, процессы самоидентификации ускоряются в геометрической прогрессии. Когда видит на сцене других, — активно сочувствует всему, «впитывая», как губка, этические нормы поведения. Никуда не деться от извечных психологических процессов (восприятие, заражение, ощущение, подражание), которые в лагере «работают» без усталости и отдыха то как безнравственные диверсанты, то как мудрые и добрые друзья.

Один из традиционных лагерных жанров — обыгрывание музыкального клипа. Обычно песни для «клипов» выбираются яркие, но, к сожалению, не всегда качественные. А ведь детям одинаково нравятся и весёлый «Арлекино», и жуткая «Девочка дурману нанюха-

лась». Грустно видеть, как две девушки в сексуальных мини-юбках, лёжа на столе, обыгрывают слова песни «Два кусочка колбаски». А сбоку вожатые «для полноты впечатления» выставляют бутылку. Ещё один клип, который я видела в этом сезоне, — «Плачет девушка в автомате». Клип удобный — солистка одна, всё строится на её «страданиях». Но содержание песни... Ребёнок изображает брошенную в «первый раз» девочку, обречённую всю будущую жизнь терпеть «мужские обиды». А зал опять стонет от восторга. Значит, воспринимает как норму. «Ощущение, восприятие, заражение, подражание»... Кстати, важность и действенность этих механизмов давно поняли рекламщики. AIDS — формула, которая состоит из этих четырёх обязательных компонентов, определяющих эффективность любой рекламы. Наверное, не стоит тратить три драгоценных лагерных дня и на подготовку клипа «Зайка моя, я твой...». Это бессмысленная трата времени.

Мороз по коже пробегает от некоторых «шедевров» вожатского творчества, например, от девиза отряда «Бизнесмены»:

Мы — коммерсанты нового века.
В наших руках — судьба человека.

«Коммерсантов» из наших мальчишек и девочек сегодня воспитывает куча «заботливых» нянек, главная из которых — современные СМИ. Может быть, дать возможность детям хоть в лагере «погрузиться» в мир романтики, чести, мужества и достоинства?

Вызывают сомнения и некоторые игры, которые вожатые предлагают детям. Дорогие, милые, сколько же можно опускать карандаш, привязанный ниткой к поясу, в бутылку?! Честное слово, это пошло и неэстетично.

Нежелательны в лагере игры и с сексуальным подтекстом. Такие, как поиск с завязанными глазами прищепок в одежде партнёра. Десятилетия эти игры, невзирая на вознаграждения педагогов, кочуют из программы в программу, из лагеря в лагерь. Но есть и «новинки». Например, «кто быстрее раздавит попой резиновый шар с водой». Или: «вожатый с балкона ложкой сливает вниз воду, а отряд внизу с тазами эту воду ловит. Кто больше поймает, тот — победитель».

Бедный Корчак почему-то считал, что для ребёнка «игра — это возможность отыскать себя в человечестве, себя во Вселенной». С.А. Шмаков писал, что «игра — это есть вид социальной деятельности, форма освоения социального опыта, одна из сложных способностей человека». Что это «уникальный феномен общечеловеческой культуры, её исток и вершина». Какой опыт приобретает ребёнок, давая попой шарик?

Есть вообще акробатические игры-задания: «весь отряд одновременно должен встать на четыре табурета (это игра, как поясняет аннотация, «на сплочение отряда»). Может быть, это и весело, когда дети пытаются повиснуть на тех, кто успел

забраться на табурет, но, поверьте, опасно. Или такое задание: «отряд должен дотянуться до лампочки на фонарном столбе, не касаясь самого столба». Знаете, даже касаясь столба, экспертная комиссия карабкаться до лампочки не рискнула. (Примеры взяты из программ, представленных на Всероссийский конкурс методической работы.)

Методисты и вожатые ломают головы: как научить ребёнка использовать приобретённый в лагере опыт в повседневной жизни? Но иной раз думаешь: хорошо, что дети часто бывают невосприимчивы к нашим усилиям.

Особый вопрос — это музыка, звучащая в лагере. Обычно подбирает музыкальный репертуар за скудную зарплату молодой диджей, который обрушивает децибелы на головы ребя-

тишек с раннего утра до желанной дискотеки. Во время дискотеки звук на уровне пола достигает силы шума двигателей взлетающего бомбардировщика. Если учесть физическую природу звука (он может влиять на человека так же, как, например, удар кулака), то, наверное, стоит подумать о целесообразности такого воздействия. Врачи Древнего Египта, Китая, Греции использовали цвет и музыку для лечения многих заболеваний. И сегодня некоторые институты развивают эти знания. Почему бы их не использовать при создании звуковой среды в лагере?

В Липецком государственном педагогическом университете в 2002—2004 годах будущим вожатым читали спецкурс по этой тематике. Думаю, что он был ребятам полезен.

Не менее важен и текст песни. Текст — это содержание, образ. «Широка страна моя родная...» В четырёх словах — код для создания ментальности определённого типа. «Моя» — обозначено личностное начало. Такая же «моя», как моё здоровье, дом, мать. «Родная» — это ёмкая словоформа, символизирующая единство концептов «род», «природа», «родники», «народ», то есть привносящая в текст глубинное патриотическое содержание. Сегодня в лагерях многократно прокручивают песни со словами «Ах, Юра, Юра, Юра, какая же я дура...», «Ты бери меня скорей, восемнадцать мне уже...», «Ты отказала мне два раза, вот зараза...» и сотни других подобных, которым несть числа.

Ещё Пифагор утверждал, что настроение постоянно звучащей в государстве музыки воздействует на ментальность народа, и изменения в характере её мелодики, стиля, интонаций мо-

жет «представлять угрозу для стабильности жизни».

В современной музыке, по мнению Натальи Марковой, часто присутствуют явные или скрытые элементы, запускающие механизмы наркотизации молодёжи в масштабах эпидемий или пандемий. Жуткие имиджи певцов, делинквентные тексты, патологические шаманские приёмы в аранжировках провоцируют возникновение у молодёжи потребности в наркотиках.

Учёные Российской академии наук под руководством Петра Горяева проводят исследования, которые позволяют предположить, что словесные или звуковые мыслеобразы способны влиять на наследственный аппарат человека. «Разрушительные» слова, по их мнению, являются кодом, ключом, способным вызвать в живой клетке мутагенный эффект. Причём ДНК не разбирает, произносит ли эти слова живой человек, герой фильма или музыкант на рок-концерте. Надо ли знать об этом вожатому?

Думаю, одним из воспитательных средств в лагере могла бы стать тишина. Есть «День веснушек и бантиков», почему бы не быть «Дню внимания и тишины»? Попробовать без слов понимать проблемы и беды друг друга, помогать без просьб и приказов. Молча делать добро. Помните, в русской православной культуре ценилась только «тайная милостья». Или хоть день просто природой наслаждаться.

Это, конечно, частные случаи работы вожатого в лагере, как говорится, текучка, рабочие будни. Но возникают вопросы и концептуального плана, в которых позиция вожатого необыкновенно важна.

Как известно, любая эпоха имеет свой «моральный кодекс», то есть свод правил, определяющих черты «нормативной» или идеальной личности. Это и «законы царя Хаммурапи», и русский «Домострой», и «Поучение Владимира Красно Солнышко», и «Нагорная проповедь», и многое другое. Даже клятва пионера.

(Помните: «Я... вступая в ряды... клянусь: быть...» и т.д.) Из модернистских можно назвать модель бизнес-личности Карнеги. Но нет модели личности, которая была бы обозначена как цель совместных усилий нашей педагогики. Есть много правильных неконкретных слов (толерантность, конкурентоспособность и т.д.). Но не определены параметры качества этих понятий в свете отечественной культуры. А если нет социального заказа, то нет и воспитания.

Молодёжная политика сегодня живёт как бы на другой планете. Где-то на Луне теоретики спорят по поводу проигранной информационной войны. Грустно соглашались с тем, что успешно и полностью реализован Гарвардский проект, предусматривающий разращение российской молодёжи, изменение российского менталитета, подмену идеалов, меркантилизацию нации... А что они предлагают взамен, какие новые формы, идеи, воспитательные технологии?

Умные и честные люди в министерствах невероятными усилиями пытаются бороться за сохранение и возрождение воспитательной системы в детских оздоровительных лагерях. А организаторы детского отдыха гордятся тем, что проданы и перепрофилированы не все лагеря, что некоторые всемогущий новый экономический порядок оставил детям. Спасибо и за это.

Но ведь взрастили эту систему мы сами. Ведь скупают лагеря под личные поместья наши вчерашние пионеры. Может быть, ещё не поздно изменить воспитательный курс, вспомнить о России, патриотизме, гуманности, морали?

А пока на всероссийском экране хозяйничают «бабки», перелезшие в телевизор с нетрезвой деревенской свадьбы. Пока одна из любимых народных передач — «Поле чудес в стране дураков». А наша надежда — вожатые — дурашливо тянут «Чёрный ворон...».

Человек не может жить без идеалов. Они формируют *символическое пространство* личности. Они очерчивают границы *индивидуальных мифов*.

Они вносят *цели и смысл* в жизнь человека. Сегодня, когда государство сложило с себя функции режиссёра, фиксирующего границы отечественной ментальности, в опустевшую нишу хлынул деструктивный неконтролируемый низкопробный поток фальсификаций, лжи и информационной грязи.

Кто же сможет противостоять сегодня страшному Молоху? Киноискусство производит такие «шедевры», как «Ночной дозор», который мир уже считает эталоном русского кино (куда там бедному князю Мышкину тягаться в популярности с «клёвыми» вампирами). Хорошие книги не пользуются большой популярностью. И ни одно политическое течение ещё не предложило убедительную альтернативу современной ситуации.

Думаю, что *институт российских вожатых* представляет собой позитивную силу, которая могла бы активно влиять на социум. Именно вожатые могли бы стать и идеологами, и архитекторами, и маркетологами новой стратегии воспитания. Почему? Повторю, сила и глубина *влияния* личности вожатого на подрастающее поколение настолько велика, что вряд ли может иметь аналог. Поэтому вожатый обязан сознательно создавать позитивную моду на образ жизни, мысли, действия, ментальность и идеалы! Механизм моды, основанный на механизме подражания, работает как самовоспроизводящаяся система, производя переворот в чувствах и мыслях огромного количества людей! Но готов ли к этой миссии современный вожатый?

На «круглом столе», проходившем в рамках Всероссийского форума «Анапа-2005», лучшим вожатым России были предложены вопросы и задания:

— Как соотносятся в личности идеального вожатого *внешняя атрибутика* и *внутреннее содержание*?

— Можно ли попытаться сформулировать «социальный заказ» на личность XXI века (кого вообще-то воспитываем)?

— Место, вес и функции в социальном заказе *этических компонентов*, границы «дозволенного» (Достоевский) в «конкурентоспособной» личности, которую так рьяно сегодня воспитывают.

— Можно ли включить в ценностную парадигму личности XXI века понятия «истина», «долг», «красота», «творчество», «судьба», «память», «порядок», «свобода», «жизнь», «смерть», «мир», «любовь», «закон» (ключевые концепты отечественной культуры).

— *Сформулировать понятие «моды»* (например: социальный феномен, регулирующий внешнее и внутреннее поведение человека; виртуальная матрица социализации человека и т.д.).

— Определить роль *СМИ* в создании *молодёжной моды* и её влияние на *ментальность* определённого типа.

— Решить, могут ли вожатые, обозначив характеристики социального заказа на личность определённых параметров, запустить позитивные подражательные механизмы в детских оздоровительных лагерях.

К сожалению, результаты «круглого стола» показали, что лучших студентов страны, выступающих в социальной роли вожатого, волнует главным образом внешняя атрибутика профессии — новые игровые технологии, приёмы, кричалки. Хотя это, безусловно, лишь средство воспитания ребёнка.

На вопрос, можно и нужно ли сегодня придумывать новые технологии (игры, сказки) точного целенаправленного действия для психологической помощи детям, пережившим *насилие в семье*, детям-*наркоманам*, детям с *делинквентным поведением* и т.д., вожатые не ответили.

На вопрос, можно и нужно ли разрабатывать новые технологии, направленные на повышение *статуса семьи*, например, в форме ролевой игры, — студенты не отреагировали. А ведь разрушение института семья — одна из болевых точек нашего общества. Можно ли через игры запустить механизмы, которые сделают *привлекательной модель семьи*?

Ещё одна болевая точка — терроризм. Наверное, и здесь могли бы помочь новые технологии иммунизации психики от будущих фанатических извращений. Когда мы попросили вожатскую элиту страны смоделировать алгоритм игры, которая научит ребят ценить свою и чужую жизнь, то поняли, что это — глас в пустыне.

А ведь наши ребята невероятно талантливы. Если бы они ясно представляли себе современный социальный заказ, то могли бы горы свернуть. А сворачивать горы, похоже, уже надо. При огром-

ном уважении к корифеям лагерного движения надо признать, что они блистательно выразили потребность своей эпохи. Но эпоха-то была другая: после победы в жесточайшей из войн обескровленная страна представляла собой идеологический монолит. То есть были цели, но не было денег. Тогда обездоленным мальчишкам и девчонкам важно было подарить немного счастливого детства, дать им возможность ощутить свою причастность к судьбе страны. С тех пор прошли застойные 70-е, странные 80-е, лихие 90-е годы, прекратила существование страна, для которой растили граждан детские общественные движения. Что же изменилось в лагере с тех пор? Убрали политическую символику, упростили воспитательный компонент, слегка приглушили тему патриотизма — и, пожалуй, всё. Мы говорим о реконструкции материальной базы детских оздоровительных лагерей, о прогнившей канализации и не думаем о необходимости коррекции личности основного носителя лагерного идеала — вожатого. Хотя, быть может, нужен не пересмотр классического опыта, а более внимательное его прочтение. Ведь он возникал из любви, а это — вневременной источник.

Вожатый, в конце концов, такой же «продукт эпохи», как всё остальное в нашей жизни. Он, как и вся страна, хочет радости, денег, успеха и счастья. И имеет на это право. Но есть вторая, скрытая миссия в этой профессии (как говорится, назвался груздем — ...). Это — вечная миссия, которая сегодня звучит наиболее остро и актуально: как бы не было трудно, вновь «сердца зажигать», «сеять разумное, доброе, вечное».

Если сегодня в «обобщённый портрет» вожатого не будут привнесены духовно-нравственная культура, чёткое представление о целях и параметрах «социального заказа», понимание своей высокой миссии, наверное, эпоха великого взлёта лагерей постепенно сойдёт на «нет». Очень хотелось бы ошибиться. НО